

Поэт Эд Побужанский заметно выделяется на фоне сегодняшних российских литераторов как минимум тем, что в его творчестве отчётливо наблюдается движение поэзии вперёд – к яркому новаторству, обновлению творческих методов и развитию поэтического языка. В его строках красноречиво звучат современные мотивы и просматриваются новые образы. Например, небо поэт третьего тысячелетия Эд Побужанский воспринимает как огромный монитор компьютера: «Небо – ночной экран / В пикселях битых / Звёзд...».

Традиционная русская поэзия, по-прежнему оперирующая такими привычными образами, как золотые поля, луга, берёзки, стога, церкви и тому подобное, видимо, не в состоянии наполнить стихи Эда Побужанского достаточной поэтической энергией,

поскольку стихи такого рода становятся сегодня всё более далёкими от современных читателей, живущих в основном в больших городах и почти не знакомых с деревней. «Всё старо – как тавро или карты Таро», – говорит он в своём стихотворении «Набат», словно бы отрекаясь тем самым от пути, вдоль и поперёк истоптанного такими поэтами, как Рубцов и Есенин. Бесспорно, стихи есенинского типа тоже несут в себе ещё не окончательно отцветшие красоту и глубину родной природы, но Эд явно относится к последователям той новаторской поэзии, которая зовёт читателей уже не в пшеничные поля и на васильковые луга России, а в электронные поля интернета, куда стремительно перемещается вся наша жизнь. Об этом и пишет замечательный поэт XXI века Эд Побужанский:

Пусть лузер рыбачит на Рузе,
Весь год надрываясь как вол,
А мы улетим в all inclusive,
Ты хочешь, любовь моя, в all?

Верлибры – давно известная в русской литературе поэтическая форма, но сегодня она почему-то остаётся далеко на заднем плане литературного творчества, не вызывая особенного восторга у чита-

телей, хотя Эд Побужанский этой формы творчества не чурается, его верлибры настолько же содержательны и изящны, как и его рифмованные стихи. Вот, скажем, «Сора»:

Ты бы красиво сожгла все мои письма,
но они электронные. Такая досада!
Ты бы дала мне пощёчину влёт,
но как ударить аватарку в фейсбуке?..

Впрочем, по большей части Эд Побужанский использует рифмованную форму, наиболее близкую и понятную поклонникам русской поэзии. И уж в ней-то он работает в высшей степени блистательно и виртуозно. Например, стихотворение «Безвремье» – филигранностью отделки оно напоминает мне искусно инкрустированную шкатулку:

Тела наши грузны, мы грустны и устны
И падки на водку и медь.
И пусто до хруста в безвремье Пруста,
Где жизнь застывает как смерть.

Но главное в стихах Побужанского – это не столько универсальное владение оригинальными рифмами и образами, сколько глубокие философские смыслы, про-

ступающие сквозь стройные ряды его строк. Возьмём хотя бы стихотворение «Пастырь», в котором невозможно не отметить серьёзность авторского взгляда на жизнь и веру:

Но нет согласия у паствы,
И не спасти её от скверны,
Ведь слово Пастыря не пластырь –
Оно не вылечит без веры.

Вот эта мысль о том, что сказанное без веры слово не лечит душу ни читателя, ни самого автора, должна лежать в основе творчества каждого пишущего, иначе зачем нужны миру тысячекратно повторяемые строчки, не несущие в себе ничего, кроме пустопорожних выкрутасов? Прочитайте стихотворение «След», и вам откроется суть творчества, и замрёт в трепете душа:

Не крестиком вышивание
И не вязанье крючком –
Стихи – это как выживание:
По хрусткому снегу ползком.

Стихи Эда Побужанского не просто мастерски написаны, они насквозь пронизаны свежими поэтическими образами и глубокими метафорами, которые после прочтения заставляют повторять себя по нескольку раз. У Побужанского всегда всё очень ярко, глубоко и в то же время тонко и изящно. Впрочем, можно встретить у него и такое:

Не надо выть, как будто
В заду застряло шило,
Спокоен будь, как Будда,
И терпелив, как Шива.

Чей-то утончённый слух, возможно, заденет застрявшее в одном месте шило. Но Эд Побужанский не боится показаться грубым и резким, ему куда важнее быть точным и честным в каждом слове. Стихи должны быть живыми. «В моей реальности всё подлинно», – говорит Эд Побужанский, и эта строка действительно выражает его жизненное и поэтическое кредо, так как в его творчестве

нет ни малейшей лжи и фальши. Главное – чтобы из тебя струился в мир свет, о чём талантливый «агент неба» открыто говорит в заглавном стихотворении: «Не отключайся, / не выключай / внутренний свет». И пока в душе по-эта горит такой негасимый свет, его творчество будет обязательно нужно человечеству, а это и есть главный смысл жизни настоящего творца.

ЭД ПОБУЖАНСКИЙ

АНГЕЛ

Слушай, я не знаю,
что они там курили,
но меня назначили
ангелом твоим.
У меня мало налёта
и слабые крылья,
и я не уверен,
что мы даже взлетим.
Но мы попробуем,
да и выхода нету.
Ты помнишь молитву?
Любую. И я – нет.
Но я же твой ангел,
я агент неба.
Не отключайся,
не выключай
внутренний свет.

БАРАБАН

Мне играли и трубы, и флейты,
И всё рос моей жизни курган,
Но теперь я под небом последним
Слышу только один барабан.

Я узнал неподъёмную цену
Лёгких рифм, обжигающих рот.
И сейчас, поднимаясь на сцену,
Я всхожу как на свой эшафот.

Не лишай меня, Господи, речи,
Не ославиться, Боже, сподобь!
И всё ближе, и громче, и резче
Барабана небесного дробь...

СЛЕД

Не крестиком вышивание
И не вязанье крючком,
Стихи – это как выживание:
По хрусткому снегу ползком.

Не чуя ни места, ни времени,
Не чувствуя страха и ног –
Туда, где мелькнул за деревьями
Неясной судьбы огонёк.

И что там с тобою станется?..
Спасёт ли обманчивый свет?..
Ползёшь, а по снегу тянется
Строкою багряною след.

ЗВОНОК

Каждый недавно умерший
получает право
на один короткий звонок –
чтобы только сказать,
что с ним всё в порядке.
Обычно звонят детям,
реже – родителям,
звонят мужьям и жёнам
(иногда даже бывшим!),
и почти никто не звонит
на работу, в церковь,
в больницу, в собес.
Никто не звонит
на прямую линию с президентом
или экстрасенсу
из известного телепроекта.
Говорят, таких номеров
даже нет в телефонной книге.
Есть только эти:
мама, папа, сын, дочь,
любимый, любимая...

КНИГА

Жил поэт – вся душа нараспашку!
Не унять молодецкий запал!
Он и бражку любил, и Палашку
И стишки между делом кропал.

А однажды он выкинул номер:
Вдруг лицо обратив к небесам,
Прошептал что-то, замер – и помер.
Был – и нет. Книжку вот написал.

Ничего не оставил он, кроме
Книжки этой – в две скрепки тетрадь.
Где-то есть и с надгробием холмик –
Даже имени не разобрать.

Этот холмик зарос медуницей
В окружении мраморных плит.
И к нему, словно дикая птица,
Одинокая книга летит.

